

18+

Я СМОГУ ТЕБЯ ПРОСТИТЬ?
СО ЗВЕРЕМ ВМЕСТЕ ПОЛЮБИТЬ...

МАРИЗА СЕЙМУР

ПРОКЛЯТЬЕ ДЛЯ ВАМПИРА

Мариза Сеймур

Проклятье для Вампира

«Автор»

2026

Сеймур М.

Проклятье для Вампира / М. Сеймур — «Автор», 2026

Я живу уже триста лет. Не сказать, что я древний и старый по меркам вампиров. Но я — старейшина большого и влиятельного клана Шотландии. Недоброжелатели во главе с моим собственным сыном едва не устроили переворот и не лишили меня головы. Моих жен убили, а дома сожгли. Я добрался до самого Лондона, чтобы найти и казнить виновных. Все идет по плану ровно до того момента, пока одна очень неумелая ведьма не взялась колдовать. Однажды я просыпаюсь под ее дверью. Не помню ровным счетом ничего. А от ее запаха у меня сносит голову и просыпается дикая жажда, но отнюдь не вампирская. Что она натворила? И как теперь меня расколдовать? Еще и ухо чешется, и лапы эти. Стоп. Лапы? В книге есть: -# властный вампир, нуждающийся в помощи ведьмы- молодая ведьма, которая с магией весьма на «вы» и вряд ли сможет помочь герою (разве что прикончить)- волк, который вообще не понимает, что происходит- жаркое противостояние героев- война кланов, предательство и месть

© Сеймур М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Жажда и месть (Эйсмунд)	5
Глава 2. Спасение истинности (Фиона)	7
Визуализация героев	9
Глава 3. Уши, лапы, хвост (Эйсмунд)	12
Глава 4. При свете дня (Фиона)	14
Глава 5. Проклятая душа (Эйсмунд)	17
Глава 6. Во тьме ночной (Фиона)	20
Глава 7. Гадость или сладость? (Эйсмунд)	22
Глава 8. Парадокс Фионы Кэвендиш (Фиона)	25
Глава 9. Именем Эйсмунда Бертрана (Эйсмунд)	28
Глава 10. Не сегодня (Фиона)	32

Мариза Сеймур

Проклятье для Вампира

Глава 1. Жажда и месть (Эйсмунд)

Кровь оборотня на вкус как дешевый виски из затхлой бочки.

Вроде манит, потому что кровь. Но, в то же время, пить невозможно из-за горечи и дурного запаха. От меня разит псиной.

Ненавижу.

Выбора у меня особо не было, потому что мой враг начал обращаться в немаленького такого волка. Вроде мелкий и молодой гаденыш, но зверь ему достался внушительный, благодаря древнему роду.

Ничего. Горечь крови оборотня не сравнится с эйфорией, которую я испытываю каждый раз, когда моя месть свершается. Капля за каплей я возвращаю ненависть к тем, кто попытался меня уничтожить. А во мне и так полыхает кострище немыслимых размеров.

Я мог бы попросить о помощи своего друга, но не хочу после всех испытаний вновь втягивать его в этот кошмарный круговорот.

Я справляюсь со всем сам. Не зря же я — Эйсмунд Бертран, старейшина Шотландского клана вампиров?

Этот мертвый оборотень, Сайлас Бэнкс, первый в списке лондонских ублюдков, которым я жажду отомстить. Был первым. Сейчас можно уже вычеркнуть.

Щенок имел неосторожность примкнуть к моему сыну-предателю и убил мою седьмую жену.

Моя прекрасная и жгучая, Рэйн. Когда-то я обратил ее в вампирессу и сделал своей женой. Лишь она одна из всех моих семерых жен могла утолить мою печаль, скопившуюся от потерь за последнее столетие.

А бестолковый Бэнкс отнял ее у меня. Взамен я забрал его жизнь. Он заслужил. Все предельно справедливо. Правда, в предсмертной агонии он умудрился кого-то призвать. Это может быть его стая или клан. И мне, по-хорошему, нужно убраться с заброшенной швейной мастерской, на которую я смог заманить Бэнкса.

Но что-то меня останавливает. А вдруг он призвал моего сына, Валентайна? Прекрасный шанс поймать мальчишку и наказать, как следует. И место подходящее.

Ослабленный из-за крови оборотня, я не могу совершить магический оборот в ворона. Приходится осторожно карабкаться вверх по прогнившим доскам, служившими когда-то строительным лесом. Я нахожу удобный каменный выступ в довольно темном месте, где меня точно никто не увидит. При необходимости я смогу совершить отсюда нападение.

За долгие годы своей жизни я уже почти разучился определять время. Мне ничего не стоит замереть и застыть, словно статуя, в ожидании. Проходит один час или три — я не понимаю.

Легкий шорох пробуждает меня от собственного стазиса.

Зрение тут же фокусируется и различает движение у тела Бэнкса.

Девушка?

Да, очень взволнованная, в черном пальто. Красно-рыжие огненные волосы контрастируют в темноте. Обычный человек не различил бы цвет. Но у вампиров свои способности к светочувствительности.

— Сайлас! — кричит она. На вид ей не больше двадцати лет. Молодая и юная. Девушка Бэнкса? — Нет-нет! — она трогает его, но тут же убирает руку, когда случайно пачкается в его остывающей крови.

Я улыбаюсь.

Гаденыш не заслуживал любви. После всей той мерзости, что он совершил можно сказать, я спас девчонку от этого подонка!

— Ты не можешь умереть. Я что-нибудь придумаю, Сайлас. Пожалуйста, не уходи! — ее эмоции волной глушат меня. Она, будто что-то почувяв, поднимает взгляд на меня. Нет, не видит меня, но зато я изучаю ее удивительное и заплаканное лицо.

Ох, прехорошенькая. Не в моем вкусе, конечно, но черты лица правильные, какие-то аристократичные. Такие девушки были в викторианскую эпоху. С легким флером таинственности и...

Она ведь милый ангелочек! Серьезно? В Лондоне? В двадцать первом веке? Девственница! Ух, я редко такое улавливаю. У девственниц особенный сладкий и чистый запах. Даже кровь оборотня не перебивает этот аромат.

— Лежи тут, пожалуйста, никуда не уходи, — командует она труп, чем невероятно меня интригует. Достает из сумочки маникюрные ножницы и срезает прядь светлых волос с убитого. Затем бумажной салфеткой пропитывает его кровь и прячет все это в пакетик.

Ведьма? Некромантка? Посреди Лондона? И кто, интересно, следит за ней и ее действиями? С такой магией можно нажать массу проблем. Одна из них — потеря собственных магических сил. Это в лучшем случае.

В худшем — тяжелые болезни, вроде чумы, или еще какие-нибудь побочки. Темные обряды запрещены и проводятся они только в измененном вампирами виде и сугубо под их контролем. Но чтобы ведьмы собственную инициативу с ними проявляли — такого я с начала двадцатого века не видел. Да, именно тогда, когда разразился мор испанского гриппа.

Ведьма в спешке покидает здание. Спускаюсь вниз и крадусь за ней по темным кварталам. Мне удастся проследить за ней достаточно легко и на большом расстоянии. Ее волшебный чистый запах манит меня по грязным улицам Лондона, даже если я позволяю ей отойти чуть дальше.

Бедняжка, даже не понимает, какое чудовище за ней увязалось. Что ж, посмотрю и проверю, что она затеяла. Жаль такую красоту убивать, но если она нарушит закон, мне ничего иного не останется. Темная магия охраняется моим народом, а я — старейшина. Только мне решать, кого можно воскресить или обернуть в вампира.

Но и до чего же заманчивая перспектива насладиться этой невинной кровью!

Глава 2. Спасение истинности (Фиона)

Да где же она?

Разрубив дверцы бабушкиного шкафа пожарным топориком, неизвестно как оказавшимся у меня дома, я открываю поочередно каждую книгу со спрятанной от чужих глаз полки. И все время откладываю их в сторону, потому что ни одна мне не подходит.

Меня трясет и выкручивает от невыносимой агонии. Голову будто сдавливает тисками. Не могу дышать полной грудью. Слезы застилают глаза. Мне хочется кричать. Не в силах себя сдерживать, скидываю все книги на пол.

Моя бабушка очень боялась, что ее магические книги попадут не в те руки. С виду это обычные детективы, любовные романы и даже поваренные книги. Но это лишь маскировка. Внутри — просто бесценная кладезь магических знаний.

Одна из книг тяжелее и больше остальных. Она падает уголком твердого переплета мне на ногу.

— Да чтоб тебя! — прыгаю на одной ноге, взвывая от боли. Ну, хотя бы немного отвлекаюсь от жесточайшего кровавого урагана в моей душе. — Фиона Кэвендиш, ты невероятная тупица! — ругаюсь на саму себя, когда понимаю, что «Триста рецептов идеального теста» — это и есть то, что я ищу.

Опускаюсь на пол и раскрываю красочную обложку большой и толстой книги.

Точно. Она.

«Книга темных обрядов ведьм клана Кэвендиш».

Бабушка много раз рассказывала шепотом под покровом ночи, что из-за этих обрядов наш род всегда причисляли к изгоям. Шутка ли? Мы смогли опорочить весь род ведьм и заработать плохую репутацию.

Амулеты, привороты и всякие простые зелья — вот, чем нормальные ведьмы занимаются в наше время в Лондоне.

Сильно отличается от того, чем всегда зарабатывали на жизнь ведьмы Кэвендиш.

Например, воскрешение мертвого. Разве кто-то способен на нечто подобное? Нет, только Кэвендиш знали, как действовать правильно и верно.

Бабушка, правда, меня так ничему и не научила, потому что мой дар мне толком никогда не подчинялся. Бернадетт Кэвендиш умерла пять лет назад, не передав мне ничего, кроме своего старого шкафа с книгами. А я до сих пор свои проблемы с даром так и не решила.

Но сегодня исключительный случай. Я точно знаю, что у меня все получится. Ведь это вопрос жизни и смерти.

Вопрос жизни моей истинной любви.

Листаю старые пожелтевшие страницы, заполненные рукописным текстом. Черные чернила выцвели со временем, и не все буквы можно хорошо разобрать.

Нахожу нужную страницу, благодаря рисунку луны и волка.

— *«Спасение истинности, или как сохранить жизнь»*, — читаю вслух заголовок. Отлично! Это именно то, что мне подходит.

Описанные ингредиенты у меня есть и уже собраны в сумку. Главное, чтобы прошло не больше пяти часов с момента смерти оборотня.

Мой милый Сайлас, я спасу тебя! Так и знай!

Он позвал меня к себе среди ночи. Я очнулась ото сна и, словно ведомая невидимыми силами, отправилась на его волчий зов.

Когда я пришла в темное заброшенное здание, чудом сохранившееся на набережной Темзы, было уже поздно.

Кто-то убил Сайласа. И даже оборот в волка его не спас. Разорванное и окровавленное горло не давало никакой надежды на спасение.

В этот момент моя жизнь словно разделилась на «до» и «после». Я выла и редела над телом любимого, не в силах поверить в этот кошмар. Меня будто убили вместе с ним.

Каким-то чудом, в своем затемненном сознании, я вспомнила о бабушкиных секретных практиках и обрядах.

И сейчас мне нужно нарисовать магический круг, подготовиться к ритуалу. Я и простые-то обряды не умею делать, но у меня просто нет выбора. Все ради спасения Сайласа.

Ирония в том, что он сопротивлялся своей истинности. Его семья всячески защищалась от меня с помощью магии. Но именно истинность со мной, возможно, спасет ему жизнь. Я все для этого сделаю. Как мне дышать воздухом, если Сайласа больше не будет в мире живых?

Я раскладываю все ингредиенты, прядь волос Сайласа, салфетку, пропитанную его кровью, и снятый с его руки перстень с фамильным рубином.

Делаю все поэтапно, сверяясь с книгой. Капельки холодного пота бисеринками выступают у меня на лбу. Повторяю рисунки мелом и углем на темном дощатом полу. Для ритуала я выбрала бабушкину комнату, надеясь на помощь места. Ведь здесь все вокруг пропитано магией. Может, и дух моей бабушки поможет мне в таком сложном деле.

Для ведьмы очень важно призывать помощь рода.

Проблема в том, что наш клан Кэвендиш почти весь выжгли и уничтожили. И если я попадусь за такой магией, сожгут и меня. Пусть и говорят, что в наше время нет инквизиции. Зато есть Альянс Одаренных во главе с жуткими оборотнями-львами Монтгомери.

У меня нет выбора.

Может, после воскрешения, родители Сайласа позволят ему быть вместе со мной, и мы начнем нормальную новую жизнь?

— *«Самое важное в заклинании — проклятье»*, — снова читаю вслух и недоумеваю. Судя по написанному, мне нужно кого-нибудь проклясть во время ритуала.

Подойдет любой. Но проще всего проклясть того, кого видел убитый перед смертью.

Сайлас наверняка последним видел своего убийцу. Отлично! Это чудовище, покусившееся на Сайласа, заслуживает быть проклятым до конца своих дней!

Я зажигаю черные и красные толстые свечи, расставленные внутри магического круга согласно схеме из книги, встаю на колени и, преодолев свою неуверенность и остатки страха, разрезаю ритуальным ножом свою левую ладонь. Моя кровь стекает на салфетку с кровью Сайласа.

Магический обряд начинается. Я сделаю все, чтобы спасти жизнь любимого.

Визуализация героев

**Ну что? Как вам завязочка? Ух, пока ждем, что будет дальше, предлагаю вам посмотреть визуалы главных героев. Жду ваших отзывов в комментариях!
И очень не хватает звездочек и любви!**

ФИОНА КЭВЕНДИШ
наша неумелая ведьма

Изгой среди ведьм и Одаренных. Даром не владеет, наставника нет. Но...Прерасно справится с тем, чтобы испортить жизнь нашему герою!

А он...

ЭЙСМУНД БЕРТРАН

старейшина клана вампиров Шотландии

В Лондон приехал целенаправленно со своим личным списком мести. Кроме того, ему нужно выяснить, что происходит в Альянсе, организации, следящей за порядком в мире Одаренных. Найти блудного сына и призвать к ответу тех, кто устроил погромы у него в клане в Эдинбурге.

Интересно? Добавляйте книгу в избранное, чтобы не потерять!

Глава 3. Уши, лапы, хвост (Эйсмунд)

Девчонка отчаянная. И очень сильная.

Вырубила меня мощно, стоило мне только подойти к ее квартире в небольшом старом доме в районе Пекхэм.

Кое-как прихожу в себя. Свет немного режет глаза. Зеваю сочно. Вот это меня вырубило, конечно!

Обращенные вампиры особо не устают и могут не спать, потому что они не бессмертные, а лишь сохраняют свой внешний вид. А умирают, как и все простые смертные — в свой отведенный срок, дабы не нарушать законы природы человеческого мира.

Истинные Дети Ночи, такие, как я, рожденные вампирами, все же нуждаются в отдыхе и комфорте.

А я, похоже, провел ночь на холодном полу под дверью в жилище ведьмы. Странно, но ничего не болит и не ломит, как будто уже привык к таким спартанским условиям. Сейчас разберусь с девчонкой и вернусь в свой президентский люкс с шикарной кроватью.

В ухе зудит. Бесит, что я какой-то слишком живой становлюсь. Обостренно чувствую все вокруг. Чешу задней лапой ухо. Хорошо, да. Прекра-а-а-асно.

Надо ломать дверь. Или постучать для начала? Вдруг откроет?

И...

Стоп-стоп-стоп. Я почесал ухо, простите, чем?

Смотрю вниз и вижу... лапы.

Лапы?!

Лапы! Твою ж вампирскую душу!

Что происходит? Почему зрение такое узкое и цветов мало?

Подношу руку к лицу. А вижу лапу. Лапу!

Пушистая такая, серая с белым и да... лапа волчья!

Какого. Хрена. Здесь. Творится?

— Открой эту чертову дверь, ведьма! — ору и царапаю лапами старую деревянную дверь.

Но, конечно, у меня не получается говорить внятно с помощью слов. Слышится все равно это:

— У-у-у-у-у!

Сплошные завывания.

Ну, хорошо. Допустим, ведьма откроет мне дверь. Увидит волка и...? Обрадуется и пригласит войти? И как я объясню ей, чтобы она сняла с меня эту проклятую шерстяную шкуру?

Может, я все еще сплю?

Из-за двери тянется тонкий запах. Я принимаю. Как же вкусно! И с каждой секундой пахнет все сильнее. Что это такое? Нет, не еда. Что-то такое потрясающее...

Улавливаю звук шагов за стеной. Замок щелкает и дверь открывается. А на пороге стоит *она*.

Я смотрю на нее, не моргая. Это моя... моя прелесть! Мое сокровище! От нее словно свет исходит. И манит собой. Чувство вампирского голода не сравнится с тем, что я ощущаю прямо сейчас. Не могу даже в своей голове описать, что со мной такое. Во мне просыпается дикая потребность просто смотреть и защищать ценой своей жизни.

Хочется свернуться калачиком у ее ног и облизывать пальцы, ожидая в ответ что тебя потреплют по голове.

Да-да, передо мной все та же рыжая ведьма, но на этот раз желание выпить ее кровушки отсутствует. Вместо этого я готов перегрызть глотку самому себе за столь кошунственные мысли.

— Сайлас? — спрашивает меня.

Сайлас? — спрашиваю я самого себя? Какой еще... Да твою ж вампирскую душу! Мне что, достался зверь того мертвого гаденьша?

— У меня получилось! Получилось!

Не нравится мне, что она любит того придурка. Любила, — поправляю самого себя. Потому что он мертвее всех мертвых. И я этому очень даже поспособствовал.

Ее талия и грудь почти на уровне моей морды, а значит, я не такой уж и маленький волчара. Нет, вид мне открывается симпатичный и...

Снова эта ментальная оплеуха от зверя. Я не понимаю, что со мной такое? Будто не только физическая оболочка обрела шкуру волка, но и этот шерстяной засранец почему-то управляет мной и моими мыслями.

Ведьма, имя которой я не знаю, подносит руку к моей морде а я... жмурюсь и трусь об ее ладонь, как кот, ждущий ласки.

Да что со мной такое?

— Ты в шкуре зверя сейчас, потому что тебе так легче восстанавливаться, да? — спрашивает меня. Так это глупо. Будто я могу ответить? — Заходи скорее.

Я точно не сплю? Вот так вот, посреди Лондона, в одной из самых развитых мировых столиц, видят волка на площадке у двери и приглашают его в дом?

— Сайлас, милый, как же тебя угораздило? Хорошо, что я тебя спасла!

Эх, если бы девчонка только знала, какое чудовище в волчьей шкуре она притащила в дом!

— А ты не верил в меня! И другие тоже! Думали, я не умею управлять силой и вечно все путаю. Но видишь, в этом деле главное — мотивация.

У меня дергается глаз.

— Что-то ты кислый совсем? Интересно, если ты не можешь пока обратиться, ты хочешь есть или пить? Пойдем, я налью тебе воды, — она идет на микроскопическую кухоньку, всю заставленную утварью и посудой, как будто она, как минимум, собралась королевский пир устраивать. Туннельное зрение заставляет меня мотать башкой и это сильно изнуряет. Я давно так много не двигался.

Пока я смотрю туда-сюда, ведьма наливает мне воду в миску и ставит на пол передо мной. Я несколько секунд разглядываю тонкий рисунок на фарфоре работы мастера девятнадцатого века. Что ж такого Сайлас крутого в своей жизни сделал, что ради него не пожалели ни дара ведьминского, ни антикварной посуды?

Но и... Правда что ли?

Мне, Эйсмунду Бертрану, старейшине вампиров всей Шотландии, одному из лидеров Альянса, поставили миску с водой? На пол? Спасибо, что миска антикварная. Считаю, прям чести удостоен.

— Ну, пей давай. Потом человеком станешь, выпьем с тобой чего покрепче, — «успокаивает» меня ведьма. — Не смотри на меня так. У тебя еле голова на шее держалась, когда я тебя увидела. Скажи спасибо, что живой. И вообще, как ты добрался из того места в шкуре волка и остался незамеченным? Посреди Лондона?

Ага, и даже в службу отлова не загремел.

С ведьмой проблемы. Она явно психически не устойчива и, эй, волк, что ты делаешь?

Эта псина реально склоняется над миской, совсем не подчиняясь мне, и начинает громко хлебать. Мстит, что я не оцениваю умственные способности ведьмы по достоинству!

Это отвратительно. Я набиваю желудок утром холодной водой из-под крана. Это не сладкая кровь. И не Ремуазен Ришбур Гран Крю. Ну, в крайнем случае Дом Периньон, если уж совсем скучно.

Но вода?!

Глава 4. При свете дня (Фиона)

Настойчивый скрежет пробуждает меня ото сна.

Цап-шкряп-царап-шкrrrr.

Приоткрываю один глаз, недовольно морщась от света. Терпеть не могу рано просыпаться. После ночного ритуала я совсем выжата.

— Мистер Дарси! А не пойти ли тебе...

— Мр-р-р?

Ах, все-таки пробрался ко мне! Пушистый виновник моего пробуждения, черный кот шотландской породы. Все время делает вид, что это он взял меня к себе домой, и вовсе не наоборот.

Глажу его по голове. Наверное, он голоден. Интересно, какую дверь он пытался открыть, если, оказывается, уютно спит рядом со мной?

Цап-шкряп-царап-шкrrrr.

А вот это совсем не смешно.

Приподнимаюсь и сажусь на кровати, взяв своего чуть упитанного Мистера Дарси на руки. Он тоже нервничает и когтями цепляется за мое плечо. Лапы попадают сквозь пряди спутанных волос, причиняя внезапную боль.

И тут я слышу волчий вой.

Мистер Дарси совершает кульбит и отпрыгивает от меня.

В моей комнатке тесно. Кровать стоит изголовьем к окну и занимает почти все пространство. Мистер Дарси в испуге прыгает на книжную полку, а с нее на узкую нишу, служащую мне письменным столом. Что-то с грохотом роняет, пугается еще больше. Наконец, он все же оказывается на полу. С пробуксовкой на месте несется по паркету и убегает в какое-то секретное место, известное только ему одному.

— Мистер Дарси, ты настоящий мужчина! Фиона, разбирайся с проблемами сама, да?

Удивительно, но я не особо боюсь.

В груди теплится надежда, что если это волк, то... обряд вчера сработал, как нужно. Вскрываю с кровати и падаю на пол, запутавшись в нескольких одеялах. Отопления у меня нет. Вернее, нет денег на него, а весна пока не спешит опускаться на Лондон. Лишь «радует» жителей своей привычной холодной сыростью.

Кое-как встаю. На мне старая теплая пижама, затертая в нескольких местах. Черт. Вот так я своего истинного буду встречать? Ай! Некогда! Сейчас напугает мою старушку-соседку, миссис Дрю, у нее хоть и плохое зрение, но службу отлова способна вызвать.

Не думая совершенно о последствиях, открываю входную дверь.

Сначала меня окутывает волна страха. Холодок пробегает по телу, руки немеют, в глазах темнеет. У любого, думаю, возникнет подобная реакция при виде огромного волка на пороге.

Но, конечно же, я узнаю этого зверя и меня немного отпускает.

— Сайлас? — я еще немного в сомнениях, потому что его глаза не серо-голубые, как прежде, а насыщенного рубинового оттенка. Но списываю это на влияние ритуальных атрибутов — крови и фамильного перстня семьи Бэнкс.

Он крутит мордой забавно.

В моей груди разливается тепло. Не могу сдержать улыбку. У меня получилось! Я смогла! И... Сайлас пришел ко мне!

Я узнаю его волка, потому что только в обороте в зверя он не может управлять своей истинностью. Поэтому он долго не позволял себе сбрасывать человеческий облик. Делал все, чтобы никогда не стать моей парой и не идти по жизни рука об руку. А кто бы этого не избегал, если твоя пара — изгой по имени Фиона Кавендиш.

Сайлас требовал от меня, чтобы я хотя бы научилась колдовать, иначе его семья и клан никогда не позволят нам быть вместе.

Но этой ночью я воскресила Сайласа! И одним разом доказала, что я не бестолковая, а значит, могу быть со своим любимым!

Очень сложно вести диалог с волком. Вернее, у нас получается, какой-то монолог. Я приглашаю его в дом, даже пою водой, и думаю, чем можно этого зверя накормить? Сырым мясом? Эх, было бы оно еще у меня. Из еды в холодильнике лишь вчерашняя паста с сыром, которую я приготовила вместе со своими слезами.

Вчера Сайлас в очередной раз отверг меня. Вдобавок меня отчислили из академии Одаренных, чтобы я не путалась под ногами у Сайласа и не мучила его своим присутствием. Да и, по-честному, делать мне там нечего. Ведьма из меня никакая. Но я училась на общем факультете, надеясь стать каким-нибудь бухгалтером в предприятии какого-нибудь скромного клана. А по итогу... закончилось все тем, что я сварила последние спагетти и натерла в них завалившийся сыр.

Будет ли такое есть Сайлас?

Я точно ему не пара. Почему природа такая жестокая? Не могла мне подкинуть какого-нибудь простого добряка?

— Извини, но есть нечего, — вздыхаю я и неосознанно глажу волка по голове.

Он смотрит на меня с совершенно человеческим взглядом, только говорить не может.

И это сильно отличается от того, каким волком Сайлас был раньше.

Волчара сидит ровно, даже как-то чрезмерно аристократично, с надменным пафосом в глазах. Замирает, как статуя.

Дышит еле слышно.

— А ты точно не можешь человеком стать? Может, попробуешь? — рискую я предложить. Волк прищуривается и, встав, надвигается на меня. Я пячусь невольно, но он проходит мимо меня и направляется куда-то вглубь квартиры.

Бабушкина комната!

Я вчера была совсем без сил и, взяв Мистера Дарси в подмышку, отправилась спать. Проблема в том, что я не почистила место после ритуала!

Бегу вслед за волком — Сайласом его язык не поворачивается назвать. Может, я снова что-то напутала? И это не Сайлас вовсе? Тогда кто? Другой волк меня точно уже сожрал бы.

Зверь останавливается в центре нарисованного мною ритуального круга и осматривает все, что лежит на полу. В поле его зрения попадает та самая Книга с темными обрядами. Он ставит на нее лапу и сильно приближает морду к страницам, пытаясь разобрать текст.

— В чем дело, Сайлас? Ты разве в этом разбираешься?

Волк резко оборачивается и не то лает, не то воет на меня с еще большим упреком в глазах.

— Я спасла тебя, сволочь ты неблагодарная! — в сердцах бросаю и топаю на него. Он не заставит меня реветь снова! Пусть теперь он мучается из-за меня!

Волк тяжело вздыхает и отрицательно качает головой. Мне же не показалось? Он пытается поговорить.

— Ты — не Сайлас? — решаюсь я спросить его.

Волк кивает.

Я прижимаю ладони к горящим щекам.

Что я наделала?

— Нет-нет-нет! Если ты не Сайлас, то как же ты меня нашел?

Я опускаюсь на колени рядом с волком и книгой и вновь заглядываю в книгу заклинаний:

— Вот, смотри, я использовала этот ритуал! Называется «Спасение истинности».

И зачитываю предисловие вслух:

«Чтобы ведьма не умерла от тоски и темной чахотки после гибели истинного, нужно наложить его лунное проклятье на другого. Проще всего на того, кто его убил. Но...»

Дальше текст почти вчера был невидим, но теперь, при свете дня, я могу различить нацарапанный фрагмент на бумаге.

«Никогда не делай этого!»

Волк смотрит на меня так, будто я самая большая тупица в мире.

Я не отчаиваюсь. Не могла же я так сильно ошибиться? Ну, не настолько я бестолковая же, да?

— Тут написано: «Так ты привяжешь истинного к себе навсегда». погоди, тут еще слово есть, которое не видно. Вот, сейчас: «Ведь так ты привяжешь *убийцу* истинного к себе навсегда».

Ко мне приходит медленное понимание, что в волчьей шкуре совсем не Сайлас. Я кошусь на волка и вскакиваю, задыхаясь. Перед глазами все плывет. Я теряю сознание, не в силах принять то, что вчера натворила.

Глава 5. Проклятая душа (Эйсмунд)

Не думал я, что своим молчаливым признанием могу довести девушку до обморока. Я талантливый переговорщик. Умею привлечь на свою сторону сильнейших противников, если мне это нужно.

Правда, без языка, с волчьей пастью вместо рта, довольно трудно договориться о чем-либо.

Мне везет, что я полноценный оборотень и зверь не владеет всеми моими мыслями. То есть, я в сознании и могу что-либо делать по собственной воле. Обычно это и отличает оборотней от животных. Но если оборот сдерживается каким-либо способом и зверю не дают выхода, то рано или поздно он вырывается наружу и захватывает личность человека.

Вот в этом и заключается везение, если происходящее со мной вообще можно так назвать! Волк Бэнкса своевольный, явно был заглушенной сущностью человека, но не долго. Моя личность сильная и ему не подчиняется. Пока что мы добрососедствуем в моей голове. Но сырую воду с миски на полу я ему не скоро прощу!

Мне жутко не нравится, что из-за этого долбанного шерстяного, я не могу открутить головушку этой очаровательной ведьмочке, заодно и кровушки ее попробовать.

Вместо этого я какого-то хрена устраиваюсь вокруг нее, пытаюсь не раздавить ее своей тушей, а заодно и согреть. На полу вырубилась, бедняжка, прямо в центре колдовского круга. Не замечаю, как начинаю дремать.

И словно вижу нас со стороны.

Рыжие волосы разметались по темному полу. А рядом огромный серый волк с красными глазами. Скалится и от кого-то защищает свою... истинную?

Между волком и ведьмой темная и крепкая связь, созданная еще древними богами, бродящими по первобытным лесам в поисках защиты от тех, кто всецело захватил мир и изгнал сущность Природы из смысла жизни людей.

Позже звери получили тонкие связи со всеми сущностями, чтобы объединиться в важной борьбе и не исчезнуть с лица Земли.

Нас, не-людей, зовут Одаренными, но это сокращение с древнего языка.

Только вот что-то пошло не так. Алчность, владеющая людскими сердцами, захватила и Одаренных.

Первыми пострадали Хладные Стражи. Вампиры. Нас люди боялись больше всего. И они же пришли за помощью к оборотням против нас. Мы были вынуждены открыть новые знания ведьмам, показать им возможности колдовства в мире Серой Тени. За что те пострадали от рук друидов и людей. Зажглись костры. Оборотни, спасая своих истинных, устраивали массовые кровавые боины. Новые религии изобрели изощренные пытки и Инквизицию, развернули войны, убивая всех, и женщин, и детей, и стариков. Вырубались леса, выжигались целые города. В Европе почти не осталось хищных зверей.

Большинство выживших бежали на Восток, или умчались через океан в Новые Земли.

Но были и те, кто ценил каждую каплю крови на своей земле.

Я — один из потомков тех древних вампиров.

Одаренные заключили позорные сделки с людьми, чтобы выжить.

Еще когда миром правили короли и императоры, мы создали Альянсы, объединивших Одаренных. Мы заключили договор о мирном соседстве с людьми. И каждое новое столетие добавляло все новый свод правил.

Двадцатый век принес нам Закон о Сокрытии. Запрет на отношения с людьми, потому что мы начали вырождаться. Развитие технологий угрожало нам раскрытием наших сущностей и возгоранию новой Войны, которую мы, Одаренные, не переживем.

Меня привели в Лондон страшные события, которые творят Одаренные. Я, как один из древних Хладных Стражей, должен навести порядок и вернуть баланс. С трудом, но мне удалось вернуть в мирное русло Одаренных в Шотландии, объединить враждующие кланы и помочь достичь вершины власти новым сильным лидерам. Теперь же настала очередь сердца Британских островов — Англии.

Месть — сопутствующая цель. Я не позволю остаться безнаказанным тем, кто развернул против меня скрытую и подлую войну. Те, кто способны вонзать ножи в спину, дождутся от меня особой жестокости.

Но теперь я — волк, свернувшийся вокруг молоденькой ведьмы, которая не умеет ни колдовать, ни заклятия правильно читать.

И это, как выражается один мой друг, полная хрень!

Я представляю выражение его лица, когда по возвращении в Эдинбург встречу с ним и сообщу радостную новость:

— Торен, гляди, как я могу!

И не важно, что Торен — оборотень и вождь клана Шоу. Уверен, он порадуется созданию еще одного гибрида! Зачеркнуто. Нет.

Я даже поговорить с ним не смогу в этой шкуре. Я ведь не из его стаи, и мысли он мои не прочитает.

Скорее просто охренеет. А потом прикончит. Я бы так и поступил на его месте.

Нет, в Шотландию в таком виде нельзя. Нужно разобраться с этой шкурой как можно быстрее. Надо как-то сообщить ведьме, что проклятие может снять только та, кто его наслал. Совершенно не представляю, как она это сделает.

Тревожный сон, такой привычный для вампира — с размышлениями и познанием смысла происходящего, резко обрывается.

«Проснись».

Слышу шепот своей красавицы Блэр.

Моя Блэр.

Я думал, что пережил и смирился с многолетней утратой, научился жить и даже женами обзавелся, но...

Это все не то. Не то!

Вот же она. Рядом. Ее красно-рыжие волосы и веснушки на носу.

Мягкое, такое знакомое и податливое тело. Она пахнет луговыми цветами и морем.

Моя сладкая дикая Блэр.

Она прижимается ко мне в поисках защиты и тепла. Ее голова покоится на моем плече, а я радуюсь бесконечному счастью, накатившему на меня.

Почему так темно, когда в моей застарелой и покрытой пылью душе царит свет?

Волчий рык в моей голове приводит меня в чувство окончательно. Я прижимаю к себе вовсе не свою Блэр, а горе-ведьму, наславшую на меня проклятье Луны.

Какая же она теплая и дурманящая. Жар желания остро разливается по телу.

Я делаю два открытия. Одно хорошее — я снова вампир.

Второе из рук вон отвратительное — вместе с проклятьем Луны я приобрел проклятье истинности. Я, черт побери, снова в этой ловушке!

Интуиция царапает мне подкорку. По спине пробегает холодок.

Я не вижу это. Не вижу их. Потому что не нахожусь на границе Тени. Но чувствую их. Они пришли за ведьмой.

Она нарушила баланс. В таком колдовстве нужно уметь защищать себя. А она оставила заклинание открытым.

Волк должен был умереть вместе со своим хозяином, а ведьма, испытывая тяжелое горе, отправиться вслед за ними. Тени ждут их. Они будут убивать их физическую оболочку. И на этот раз прихватят меня заодно!

Черт!

Ведь я и так им должен столько, что не расплачусь даже своей проклятой душой!

Глава 6. Во тьме ночной (Фиона)

Я прихожу в себя уже темным вечером. Все также на своей кровати и в пижаме. Рядом — теплый бочок Мистера Дарси. Странно.

— Ну и сон мне приснился, — бормочу я, садясь на постели.

— Что за сон? — спрашивает меня глубокий мужской голос. Я замираю на месте. Моему хладнокровию и желанию притвориться безвременно покинувшей этот мир позавидовала бы египетская мумия, на которую я совсем недавно смотрела в Британском музее. Мне по учебе надо было.

— Нельзя спрятаться за шторой и думать, что весь мир тоже спрятался и тебя не найдет, — снова этот голос.

Удивительно чарующий голос.

Речь с каким-то легким акцентом, но до тошноты правильная. Даже современные аристократы и филологи бы позавидовали его произношению.

— Это так не работает, — дополняет голос.

И мне ничего не остается, как повернуть голову в сторону, откуда я его слышу. На всякий случай, я включаю свет настольной лампы в нише у самой кровати.

Напротив меня в моем любимом кресле, обычно заваленном вещами и книгами, сейчас в полной чистоте сидит молодой мужчина.

Весь в черном, словно ворон. На нем модная рубашка с воротником-стойкой и отличный костюм, явно сшитый на заказ.

— Кто ты? — задаю вопрос прямо в лоб. Но вообще-то он восседает на моем кресле и в моем доме. Расшаркиваний и реверансов точно не будет. — И что ты здесь делаешь?

— Очень интересные вопросы от ведьмы, которая безнаказанно разбрасывается проклятиями, — хищно улыбается мужчина.

В полутьме я замечаю странный отблеск и цвет его глаз. Красный, глубокий и насыщенный. Вампир! Этого еще мне не хватает на мою голову!

— Вампиров изгнали из Лондона еще до моего рождения. Ты — один из инквизиторов, которым Монтгомери позволили остаться?

— Очень интересно, — почесывает он подбородок и закидывает ногу на ногу. — Что у вас тут в Лондоне происходит? Некроманты, инквизиторы, гибриды и прочая нечисть, живущая не во благо Природы.

Я уже мысленно прощаюсь с жизнью и Мистером Дарси. Потому что если этот вампир — инквизитор, то жить мне осталось недолго. Максимум пара минут.

— Уйми сердечко, — прищурившись, требует вампир.

Как это можно сделать?

Моя пижама распахивается, сильно обнажив грудь. И взгляд вампира устремляется именно туда. А еще на пульсирующую жилку у основания шеи. Черт! Закутываюсь в одеяло до самой макушки. Может, мне холодно?

— Правильно делаешь, что боишься. Если бы не волк, которого ты на меня накинула, я бы уже насытился твоей кровью.

Звучит очень обнадеживающе!

— Значит, ты убийца моего истинного, — выдыхаю я. У меня от этого незнакомца мороз по коже. Но он сознается в главном — он не сможет причинить мне вред.

— А он — убийца моей жены, Рэйн. Будем дальше титулами обмениваться?

— Ложь! Сайлас и мухи не обидит, — не соглашаюсь с ним. Кто он такой, чтобы говорить гадости о мертвом?

— Мне без разницы, что ты обо мне думаешь. Сбрось с меня шкуру оборотня, и я, так уж и быть, оставлю тебя в живых и даже не накажу за попытки некромантии.

— Как великодушно! — фыркаю я.

Я должна чувствовать боль от утраты и гибели Сайласа. Но почему-то ничего не испытываю, кроме раздражения. У меня пожизненно проблемы возникают по двум причинам — из-за моего неумения колдовать и Сайласа.

И вот дошло до того, что в моей комнатухе сидит вампир и требует от меня снятия проклятия.

Мистер Дарси потягивается на кровати и идет к незнакомцу на колени. Вампир с удовольствием гладит его, а кот мурчит и трется об его руку. Ладонь вампира удивляет своим аристократизмом и длиной пальцев. Несмотря на широкоплечую фигуру и силу, спрятанную под одеждой, выглядит мужчина довольно изящно и органично.

— Предатель! — ругаюсь на кота.

— Я его покормил, пока ты спала, — буднично сообщает вампир. — Кошки оборотней на дух не выносят, но с вампирами и ведьмами живут с удовольствием. Могу их понять. Мне тоже, кроме пары исключений, оборотни неприятны.

— Но их кровью не брезгуешь! — зачем-то злю его.

— Сразу понятно, что от вампиров избавились в Лондоне. Даже не знаете их рацион, — качает головой вампир. — Меня зовут Эйсмунд Бертран. Я — старейшина Шотландского клана вампиров.

— Ах, вот оно что! Теперь понятно, — улыбаюсь я беспричинно вампиру.

— Что тебе понятно?

— Понятно, откуда твой акцент. Шотландский.

Эйсмунд кривится. Ему явно не по нраву мои манеры.

— А можно тебя звать просто Эйс? — подначиваю я. Он все равно мне ничего не сделает!

— Только после того, как снимешь проклятие, сладость, — предупреждает он меня. — Вред не причиню, но могу и иначе повлиять на тебя. Почему-то мне кажется, что тебе это очень понравится и ты потребуешь продолжения.

Глава 7. Гадость или сладость? (Эйсмунд)

— Я не знаю, как снять это проклятье! — девчонка заматывается посылнее в одеяло, а ехидная улыбочка внезапно сползает. Ага, трясется за свою невинность, значит. Есть на что надавить. Хотя, какая же это глупость, на самом деле.

— Как тебя зовут, сладость? — интересуюсь я у нее, потому что надоедает обращаться к ней по-всякому.

— Никакая я тебе не сладость! — взвизгивает она и отползает к самому изголовью кровати. — Я не вкусная!

— Ошибаешься, — усмехаюсь, поглаживая котика. Даже ошейника нет с именной подвеской. Совсем не заботится о животинке. А вдруг потеряется? — Я могу не проверять. Запах у тебя сладкий. Кровушка у тебя наверняка приятная на вкус.

— Волк не позволит тебе коснуться меня.

— Смотря как, — подмигиваю ей. А она забавная.

То бледнеет, то краснеет. Румянец на ее веснушчатых щеках милый и очаровательный.

Но что это я? Сам размяк из-за этой девчонки. Улыбаюсь, шучу и флиртую. Правда, последнее в целях запугивания, но не важно. Еще и кот мурчит на коленях.

— Ну? — пытаюсь изо всех сил спрятать улыбку, но вместо этого подмахиваю бровями, чем вообще довожу ведьму до полубоморока.

В конце концов, я — убийца ее возлюбленного. Она имеет право реагировать на меня со страхом и ненавистью.

Мне больше моя реакция не нравится. Или это тупой волк? Неужели он настолько въелся в мое сознание?

Или теперь до снятия проклятия я так и буду реагировать на... да как ее зовут?

— Имя! — рявкаю на нее, поборов волка.

— Фиона! — тут же сдается девчонка. — Фиона Кэвендиш.

В голове я словно слышу рычание. Волк злится, что я так общаюсь с его прелестью.

— Фиона Кэвендиш, — я глажу теплого мурчащего кота и пытаюсь вспомнить, где же я слышал это имя.

Мое внимание всегда было сосредоточено на Шотландии и на мире на этой земле среди Одаренных. В двадцатом веке была настоящая резня, которую я предотвратить не смог. Косили всех без разбору. Всех несогласных и недовольных зачищали вплоть до детей. Вампиры затаились и молча выжидали, выбив себе лишь один закон — право обращения умирающего человека в вампира. Мы пополнили свою маленькую армию и научились выживать. Я много лет ждал, чтобы, наконец, начать свою игру. Для этого нужно было дождаться, когда часть наследников кланов Одаренных повзрослеет. Хорошо, что у меня было на это время.

И я жестоко поплатился за это.

Да, у меня есть союзники. Но мой клан разрознен, а единственное, что осталось нетронутым — мое состояние, на которое можно купить несколько стран.

Другие старейшины столетие назад крутили пальцами у висков и называли меня сумасшедшим, потому что я все равно остался предан своему роду и земле.

Поскольку проблем мне всегда хватает, я особенно не вникаю в дела других земель. А зря. Англичане завербовали моего сына и едва не устроили переворот со свержением вождей кланов.

Теперь я в сердце Лондона. Меня ждут дела. Великие и кровавые.

Но почему-то я сижу в стареньком кресле убогой квартирки и пялюсь на Фиону Кэвендиш, пытаюсь разгадать происхождение ее имени.

— Наверняка ты не относишься к тем самым пэрам и герцогам Девонширским, — рассуждаю, вспоминая историю последних трехста лет.

— Не может быть. Фантастика! И как ты догадался? — язвит ведьма, приподняв одну бровь. Ага, значит ей страшны только темы телесных наслаждений. Потому что есть перспектива разделить их со мной? Или в принципе...

Это невозможно. Я пытаюсь успокоиться, но все время думаю о том, как уложить эту рыжую бестию на лопатки. Тем более идти далеко не надо — девчонка уже на кровати.

Неважно, что она замотана в одеяло, словно мумия. И в душ не ходила с прошлой ночи. Черт, из-за этого ее сладкий навязчивый и манящий запах становится только сильнее.

А от ее язвительности у меня начинаются приступы агрессии, из-за чего мое ленивое трехсотлетнее сердце ускоряется и разгоняет густую кровь по телу. Которая приливает совсем не туда, куда нужно!

Проклятье, а не ведьма!

Точно.

Она — мое проклятье. Ее неумелое колдовство — лишь побочный эффект.

— Твоя проблема в том, что ты узко мыслишь и действуешь, не думая о последствиях. Еще один такой выпад, и я найду применение твоему острому язычку, Фиона, — предупреждая ее, сам попадаю в ловушку собственной фантазии.

Волк скулит в голове, а я часто дышу, усугубляя ситуацию, потому что все больше и больше втягиваю в себя ее запах.

Так, думай, Эйс, о Кэвендишах. И...

— Та книга, где ты нашла ритуал — семейная реликвия?

— Да, — ведьма так сильно заматывается в одеяло, что виден лишь ее один веснушчатый нос.

— Значит, некроманты, ведьмы и колдуны... темная ветвь... идете против природы и заключаете сделки, — я продолжаю размышлять и меня вдруг осеняет. — Пират Томас Кэвендиш — твой предок? Тот, кто якобы не оставил потомства. Да?

— Я не знаю, — жмет плечами Фиона. — Мне никто не рассказывал.

— Но книгу заклинаний оставили?

— Я сама ее нашла. На меня все махнули рукой. Даже в академии Одаренных при Альянсе я учусь на бухгалтера. Нет во мне дара, — она подозрительно шмыгает носом. — Тебе надо поискать другую ведьму, кто снимет проклятье.

За что мне все это?

Все время следуя принципам, долгу, чести. Чту законы и порядки, сам став Хладным Стражем.

Ну, да, есть небольшие проблемки по долговой части. Но я ведь обещал духам все вернуть. Когда-нибудь. Когда умру.

Когда-нибудь никогда.

Но не настолько же я прогневал Вселенную, чтобы на меня смогла наслать проклятье неумелая ведьма? На меня, старейшину? Обереги и амулеты при этом на мне просто существуют?

— Во-первых, ты наслала на меня магическое проклятье. А это не так-то просто сделать, уж поверь. Я — старейшина и на меня работают разные ведьмы, уж куда умелее тебя. То, что ты обошла их защиту, уже говорит о большой силе, — пытаюсь донести до нее важное, но она продолжает раздражающе шмыгать носом и отрицательно мотать головой.

— Какой ты старейшина? Ты выглядишь едва старше меня! — фыркает Фиона. — Вы, вампиры, конечно живете долго, но медленно стареете! И за триста лет ты должен быть похож хотя бы на тридцатилетнего.

— Откуда тебе знать? Ты же «та-кто-ничего-не-знает-не-умеет»?

— Бабушка искала кровь рожденного вампира, объясняя тем, что она замедляет старение при нужном заклинании.

— Судя потому, что ты одна здесь выживаешь, бабушке это не удалось.

— Она еще не знала о моих талантах выманить вампиров. Мы бы попробовали с ней вместе.

Как же она мне нравится! Черт! Ее озлобленность и колючесть — просто шикарные. Мое сердце стучит, как сумасшедшее.

Встаю вместе с котом и иду к потертому зеркалу у выхода в квартиру.

Не могу я выглядеть молодо! Я солидный и зрелый мужчина. У меня еще пару лет назад был имидж рок-звезды, а сейчас?

А сейчас на меня в отражении смотрит помолодевшая копия меня.

— Разве вампиры в зеркале отражаются? — попискивает Фиона, встав сзади меня в своем одеяле.

— Мы же не духи. А из плоти и крови. Рожденные из живой плоти. Насмотритесь всяких дешевых фильмов, которые сами вампиры и создают. Лучше бы историю изучала. Зачем в академии учиться? — не могу остановить ворчание. Такого провала в знаниях с проблеском гениальности я давненько ни у кого не встречал. И ладно бы, как жена Торена — ни сном, ни духом не знала о себе и своем роде. А тут... — Как ты это сделала?

— Что?

Я наступаю на нее, а она нервно пятится к стене и роняет одеяло, вновь оставшись в своей дурацкой пижамке.

О, нет! Ее запах!

— Ты задавишь Мистера Дарси! — нервно выкрикивает, когда я прижимаюсь к ней. — Кот! — уточняет, когда я недоуменно скидываю брови.

— Удивительно. Мистер Дарси, — имя кота вызывает у меня улыбку. Я, напоследок, глажу его по голове и опускаю на пол. Ведьма пытается сбежать, но я хватаю ее за руку и тут же прижимаю к себе.

Она — мое проклятье, — набатом бьет в моей голове.

«Она — наша сладость и благодать», — не соглашается волк.

Меня рвет на части от желания поцеловать ее и попробовать кровь, бьющуюся в жилке на шее.

Я еще помню, что творит кровь истинной, превращая плотские желания в безумие. Но... она девственница.

И та, кто создает мне кучу проблем. Буквально из воздуха. Нужно бежать от нее, как можно дальше. Но я не могу. Зато наслаждаюсь теплом мягкого и нежного тела и легкой дрожью смертной, вдруг осознавшей, что я — самое опасное существо, которое она только встречала — Ты в курсе, Фиона, что настав на меня проклятье, ты стала моей? Это обоюдное колдовство. Думаю, в твоих интересах снять его, чтобы случайно не оказаться в постели с убийцей твоего жениха.

Глава 8. Парадокс Фионы Кэвендиш (Фиона)

— Тогда раздень меня и завладей моим телом прямо сейчас! — в слезах кричу на пришедшего ко мне вампира. Если он ищет способ воздействия — пусть получит его и проваливается. Я ничем не смогу ему помочь!

Близость Эйсмунда и его прикосновения действуют на меня слишком... необычно. Мои ладони горят от его рук, а жаркое дыхание опалает губы, заставляя их невольно приоткрыться.

Он заинтересованно скользит по мне темно-красным взглядом. Моя истерика, а вместе с ней и пылкая капитуляция заставляет его о чем-то задуматься... Может, он придумывает более реалистичные решения нашей нелепой ситуации?

— Я не умею колдовать, Эйс, — злобно шиплю сквозь зубы. — Любой Одаренный в этом городе в последнюю очередь подумал бы обо мне, как о действующей ведьме.

Он молчит. Его лицо в опасной близости от моего. Я дышу часто и взволнованно. Я слышала, что вампиры — холодные, но Эйсмунд, напротив, согревает теплом своего тела, пробуждая во мне доселе неизведанные и неиспытанные чувства. Лишь иногда, когда я думала о Сайласе, во мне просыпалось что-то подобное. Но это...

— Знаешь, я и сама не рада была истинности с Сайласом Бэнксом. Все стадии унижения, которые только можно представить, я испытала на себе будучи связанной с его сущностью. Поэтому если ты думаешь меня запугать очередным унижением — это просто бесполезно. Давай, делай все, что хочешь со мной. Я и так на самом дне. Дальше некуда.

Вампир отпускает мои руки. Но лишь затем, чтобы обхватить своими сильными ладонями мое лицо. С легким нажимом заставляет смотреть ему в глаза. Как будто копается в моей голове. Чтобы что? Читает мои мысли? А вампиры это умеют, да? Точно умеют...

И я раскрываю перед ним книгу своего сознания. Смотри, Эйсмунд, как тебя там... Бертран? Не могу, правда, сдерживать слез, но и пусть они катятся по щекам. Кому какое дело?

Я показываю Эйсу фрагменты своей жизни. С самого раннего детства.

Мои родители отказались от меня, когда я была еще младенцем. Бабушка после долгих лет стараний махнула на меня рукой, а затем и вовсе оставила одну.

По счастливой случайности и старой дружбе моей бабушки с руководством Академии Одаренных, меня пристраивают на общий факультет для полукровок, но и там происходит катастрофа — оборотень Сайлас считывает во мне свою истинную пару.

Другие девочки в академии мечтали о таком.

Быть парой отпрыска семьи Бэнкс? Считай, вся жизнь predetermined наперед. Больше не надо ни о чем думать. Цели? Стремления? Зачем? Выходи замуж, живи в их замке и рожай наследников.

Но вот только если ты потомок Кэвендиш — это не благодать, а проклятье. И, может, если бы у меня были хоть какие-то способности, от союза со мной еще можно было бы извлечь пользу. А я — пустышка. Бестолковый потомок древних ведьм и колдунов.

Мои чувства и истинная связь подверглись издевательствам и насмешкам. Меня каждый раз выворачивало наизнанку, но я снова и снова унижалась, умоляя Сайласа быть со мной.

И в этом весь парадокс. Ведь истинность срабатывает только с оборотнями. Они и их сущности — первопричина такого состояния. Но свалили все на меня. Вчера меня выгнали из Академии Одаренных, обвинив меня в изготовлении приворотного зелья.

А ведь я всего лишь пожаловалась ректору на то, что истинная связь игнорируется. Что меня заставляют корчиться и погибать, пока... пока Сайлас не испытывает ничего подобного.

— Сайлас не мучился от истинности? — прерывает мой поток мыслей Эйсмунд. Я верно оценила способности вампира. Он тщательно следит за моими воспоминаниями.

— Словно меня и моих проблем для него не существовало. Если бы это мне не казалось бредом, я бы подумала, что ему вкололи какой-нибудь антидот от истинности. Он и в волка не обращался по этой же причине. Лишь перед смертью вспомнил обо мне.

— Интересно, и похоже на правду, — неожиданно для меня соглашается вампир, касаясь своим дыханием моих губ.

Что? Меня не считают сумасшедшей?

— Любой бы сошел с ума на твоём месте. Ты хорошо держишься. И нет, Фиона, не могу сказать, что с тобой все в порядке. Но...

Он размазывает большими пальцами слезы по моим щекам. Вдавливается носом в мою кожу на лице, вдыхая запах.

— Твои слезы пахнут морем. Имя шотландское и... тебе самой не интересно узнать, на что ты способна? И кто ты есть на самом деле? — его шепот гипнотизирует меня, заставляя уплывать куда-то далеко-далеко.

Его губы касаются моих. Тревожно. Робко. Едва-едва.

Он раскрывает их, прикусывает нижнюю, слегка царапая острыми зубами. Что-то горячее наполняет мой рот. Кровь! Эйсмунд пробует мою кровь.

И мне бы оттолкнуть его от себя и хорошенько пнуть, но я не могу пошевелиться. Впустив его себе в голову, я оказалась полностью в его власти.

— М-м-м, вкусная... как дорогое вино... Фиона, — усмехается Эйсмунд и вновь раскрывает мои губы, но лишь для того, чтобы проникнуть глубже, лаская своим языком все мои чувствительные местечки.

Я плавлюсь от его сумасшедшего поцелуя, чувствую его особенный вкус, смешанный с моей собственной кровью.

Странно, очень все странно...

Семья Кэвендиш была всегда под пристальным наблюдением Альянса с Монтгомери во главе. В крайнем случае, навевались Инквизиторы. А за мной никто не следит. Пусть я и потомок древних ведьм и темных колдунов, но сама ни на что не способна. Зачем тратить на меня время?

И вот, пожалуйста, я сотворила страшное заклинание и упоительно целуюсь с древним вампиром, которого явно не ждали с дружеским визитом в Лондоне.

Эйсмунд улыбается и, обхватив меня за талию, прижимает теснее к себе. Я и сама лгну к нему, будто это вопрос жизни и смерти. Знал бы вампир, что это мой первый поцелуй... а кто еще согласился бы поцеловать проклятую Кэвендиш?

Мои мысли еще сильнее разжигают Эйсмунда, а я не в силах остановиться. Мои руки сами скользят по его груди и выше, обвивая шею. Что движет мной? Я должна его ненавидеть. Я должна... Но...

Эйс оказывается сильнее и разумнее меня.

Прекращает терзать мои губы и утыкается в сгиб моей шеи. Вдыхает жадно воздух. Еще чуть-чуть и он меня укусит, да?

— Я обязательно завладею тобой, Фиона. Но не здесь и не сейчас, — он отрывается от меня и с пренебрежением оглядывает скромную обстановку коридора. Я вижу наше отражение в зеркале. Я бесстыдно прижимаюсь к вампиру. Мои губы красные от крови и жесткого поцелуя. Или он был нежным... каким...

— Выйди из моей головы немедленно! — требую, зажимая виски ладонями. Жмурюсь и в темноте собственных мыслей приказываю ему убраться отсюда. Мне чертовски больно от его присутствия здесь! Пусть он уйдет!

Вампир делает шаг назад и трясет головой. Словно сам мучается от боли. Жесткий свист ломает нас и заставляет упасть на колени.

— Фиона! Смотри на меня! — требует Эйсмунд. Я смотрю, смотрю да... — Нас хотят обезвредить. Кто-то пришел за нами.

— Инквизиция, — шепчу я, не в силах совладать с собой. Меня тошнит. Я полностью теряю равновесие.

— Проклятье, Фиона! — голос Эйса — единственное, что я слышу кроме невероятного гула. Но он, кажется, справляется лучше меня.

— Беги, Эйс. Они убьют тебя! — молю его. Зачем? Ведь он мой враг. Враг же, да?

— Не сегодня, — обещает он мне и я, не выдержав давление высокочастотного звука у себя в голове, теряю сознание.

Глава 9. Именем Эйсмунда Бертрана (Эйсмунд)

Чужое колдовство попадает со мной в резонанс, когда я проник в мысли и воспоминания Фионы. Ее кровь во мне, хоть и в небольших количествах, усиливает состояние беспомощности.

Гулкий свист почти отключает сознание. Я падаю на колени.

Но собственные ощущения и боль внезапно отходят на второй план, стоит мне увидеть муки Фионы.

Ее боль и страдания режут меня куда сильнее, чем чье-то колдовство.

— Проклятье, Фиона! — рычу я, склоняясь над ней, когда она сгибается пополам. Держу ее за плечо, чтобы она не рухнула навзничь и не расшибла голову.

— Беги, Эйс. Они убьют тебя! — в беспамятстве просит ведьма.

Самоотверженность Фионы окончательно приводит меня в чувство. Девчонка решила пожертвовать собой? Правда переживает за меня? Поразительно.

— Не сегодня, — обещаю своей бедовой ведьме. Нам еще много с чем предстоит разобраться. Я планирую жить долго. Так что никакой смерти я не планирую. Разве что для тех, кто имеет неосторожность причинить боль Фионе Кэвендиш.

Волк внутри меня воет и рвется наружу. Я его не сдерживаю, но ему все равно не удастся обрести силу.

Может, это и к лучшему. Я смогу сражаться сам, своими силами, будучи вампиром. То, что гости уже на подходе я даже не сомневаюсь.

Фиона отключается. Из ее носа стекает тонкая струйка крови. От сладкого и манящего запаха зверею еще больше. Волк беснуется.

По-хорошему надо схватить Фиону и бежать. Острый слух распознает шорохи далеко за пределами квартиры. Кто-то движется по лестничной площадке, еще несколько гостей нас ждут у выхода из многоквартирного дома.

Самые отчетливые шаги слышатся на чердаке. Прямо над нами кто-то есть. Волк требует выхода своей агрессии. Хорошо, если бы мы могли существовать отдельно друг от друга. Но приходится нам двоим уживаться в одном мне.

Я пока не привык к данной ситуации. Мои способности усилились в разы, при этом я не могу никак собраться и теряю драгоценное время.

Тот, кто ходит над нами — и есть источник дезориентации, свиста в ушах и потери сознания у Фионы.

На меня чужая магия уже не действует. Куда яростнее рычание зверя в моей голове.

Я беру Фиону на руки, стараясь не вдыхать запах ее манящей крови. Бережно несу в комнату, в которой она проводила ритуал и кладу в центр нарисованного ею же магического круга. Когда я был волком, этот круг казался мне самым безопасным местом. Может, Фиону защитит собственная магия?

И правда, в тот же момент ведьма ненадолго открывает глаза и стонет.

— Держись, беда моя. Твои страдания меня слишком сильно отвлекают.

Она даже находит в себе силы кивнуть.

Уже легче.

Мое внимание привлекают осторожные шаги за дверью. И не одни.

Волк еще сильнее рвется наружу, но что-то его блокирует. Неужели еще одно колдовство? Откуда они могут знать, что шкура волка мальчишки Бэнкса на мне? И вообще на ком-либо? Трупы не рассказывают о себе и своем звере. Только если опять не прибегли к некромантии.

Я очень тихо, почти бесшумно подхожу ближе к двери. Замираю на месте, стараясь не дышать

— Прекрати церемониться, Вэл. Нужно брать ведьму. У Ксан силы не бесконечные. Девчонка Кэвендиш сопротивляется. Вырубить ее полностью не удастся.

Их, как минимум трое за дверью.

И, похоже, ведьма на чердаке.

Они не знают, что кроме девушки, их встретит трехсотлетний голодный вампир с агрессивным зверем за душой.

Шаги превращаются в топот... копыт?

Кабан? Принимаюся. Хуже оборотней вонять могут только оборотни-кабаны.

За что мне это все?

Удар с той стороны по двери заставляет меня напрячься перед атакой. Плотная дубовая дверь простояла не один десяток лет. И стоит до сих пор уверенно. Удар за ударом. Замок быстрее поддается, чем дерево, не оставившее на себе даже трещинки от взлома.

Я прячусь в тени в углу и жду, когда все непрошенные гости перешагнут через порог квартиры.

— Вэл, ты совсем размяк! — подкалывает парень помоложе в черном капюшоне мужчину, принявшему частичный оборот. Это еще что за новости? Так можно? Тело мужика, а голова и ноги — кабана. Значит, и сила оборотня тоже в нем сейчас.

— Фиона! Выходи! Мы знаем, что ты здесь! — среди троицы есть и женщина. Пальцами играет с огнем. Маг. Стихийница. Прелестно.

Третий в капюшоне тоже маг. Скорее всего оказывает ментальное воздействие на противника.

Что ж. С этим можно работать.

Время абстрактно для меня.

Пока оно спокойно и размеренно бежит вокруг, а окружающие совершают простые действия, мой поток времени ускоряется в сотни раз. Я втягиваю запах навесивших Фиону Одаренных, узнаю их примерный возраст, что они ели на ужин и как добрались до Пекхэма.

На моих пальцах отрастают когти, а из десен вылезают опасные и ядовитые клыки.

Выпрыгиваю из тени и не задумываясь больше ни на мгновение, замахиваюсь на мага.

— Джейден! — кричит заметившая меня в последний момент девчонка.

Менталисту это совершенно не помогает. Он вскидывает руку, чтобы остановить меня с помощью магии, но на меня это не действует.

— Вампир... — последнее, что произносит он перед своей смертью, когда я когтями вырываю кусок плоти из его горла.

Зверь внутри меня ликует. Мы защищаем нашу сладость.

За боль, причиненную ей, слишком мало крови. Слишком.

— Ксан! — взвизгивает играющая огнем. Кабан сильным ударом отбрасывает меня на пол. — Здесь вампир! Сделай что-нибудь! Джейден мертв!

Лучше бы от удара у меня звездочки в глазах мерцали.

Вместо этого мне приходится лицезреть мерзейшее создание.

Противная морда кабана хрипит и брызгает слюнями на меня, пока я удерживаю его над собой.

Когтями впиваюсь в его предплечья. Кровь стекает по моим пальцам и ладоням.

Фу. Гадость какая! Невыносимо вонючий!

Пока кабан борется со мной, девчонка стреляет в меня огненными зарядами.

Проклятье. Огонь для вампира еще хуже, чем кровь кабана.

Мне приходится пройти через себя и разорвать зубами сонную артерию оборотня.

Он взвизгивает, как настоящая свинья и откатывается с меня.

Плюясь кровью и шерстью парнокопытного, испытывая легкое головокружение из-за отворачивания, прыгаю на мага-огневика. Девчонка от испуга забывает, как использовать свои

способности. Я сдавливаю пальцами ее шею, еще чуть-чуть и переломаю ей кости, глядя прямо в темные и блестящие от страха глаза.

Внезапно потолок проламывается, отвлекая меня от мага.

Летят щепки и бетонная пыль. Осколки камней разбрасываются повсюду, заставляя меня зажмуриться и ослабить хватку.

В центре коридора появляется демон в истинном своем обличье. С кожистыми крыльями, рогами на голове и пламенем в змеиных глазах.

Точнее, демоница. С длинными черными волосами и темной одежде.

Принял ее за ведьму — ведь эти твари прекрасно умеют маскироваться под Одаренных. И только демоны могут подавлять волю и воздействовать через препятствие, например, стены.

Демоны опасны для всех, кроме вампиров. Из-за волка внутри, а не из-за крови Фионы, меня шарахнуло от магии демоницы. Но сущность вампира, естественно, оказалась гораздо сильнее.

Сколько лет я не видел демонов? Много лет назад я лично принимал участие в изгнании этих тварей с земель Шотландии. Черти, уроды. Алчные до власти. Обожают людское подчинение и готовые перекроить весь мир под себя, если только чуть-чуть ослабить контроль за ними.

Я отпускаю девчонку и набрасываюсь на демоницу. Та защищается крыльями, но я рву их когтями, чтобы ослабить ее. Кровь демона обжигает и разъедает меня, как кислота. При этом ее яд действует на меня гораздо медленнее, чем я сам ожидал — во мне сидит оборотень, усиливающий мою природную регенерацию

— Приказываю остановиться! — демоница пытается воздействовать на меня ментально, пока маг шмаляет в меня пламенем.

Они вдвоем не могут справиться со мной.

Сквозь разъедающую меня боль от крови демоницы, я ломаю и рву ей крылья. Она издает нечеловеческий вопль, словно только что явилась из преисподней.

— Хватай девчонку! — кричит она своей напарнице.

Я пытаюсь удержать свободной рукой мага, но демоница своими изорванными крыльями прижимает к себе, заливая меня всего кровью-ядом.

Дура. Думает, я сдамся и испугаюсь?

Я отбитый на всю голову.

Слабея с каждой секундой, наплевав на последствия, впиваюсь зубами в горло демоницы и делаю глоток ее кислотной крови, обжигающей все мои внутренности.

На задворках сознания вижу, как Фиона, очнувшись от забвения, защищается всем, что попадает ей под руку. Бросается вазами, книгами. Рассыпает какой-то магический порошок на мага. Огонь опалает ее одежду, но моя бедовая сладость держится молодцом.

— Не трогайте меня!

— Именем Инквизиции, Фиона Кэвендиш, ты арестована за темное колдовство и призыв вампира на территорию Лондона, подконтрольную лорду Монтгомери, — истерично объявляет маг-огневик. Капюшон сброшен. Я отчетливо вижу лысую голову инквизиторши с татуировкой-гербом, принадлежащему старейшему клану.

Чертовы сектанты.

Именем Эйсмунда Бертрана инквизиция идет нахрен!

Тело демоницы от потери крови обмякает в моих руках и падает на пол.

Я то ли дышу, то ли хриплю обожженной глоткой. Опираюсь спиной на стену. Когти и клыки спрятаны. Моя кожа вся в волдырях и ожогах. Краем глаза в зеркале замечаю свою окровавленную и будто облитую кислотой рожу.

Фиона тоже видит меня. И трупы в коридоре.

Мимолетный ужас мелькает в ее удивительных глазах. Какого они цвета? Зеленые, да?

Ведьма из-за эмоций теряет контроль над ситуацией и невольно позволяет магу поджечь себе ноги.

Крик Фионы от боли выжигает меня куда яростнее, чем кровь демоницы. Но я, испив эту гадость, настолько ослаб, что медленно теряю сознание.— Спаси ее, — приказываю Зверю, для которого теперь больше нет преграды в виде сознания древнего вампира.

Глава 10. Не сегодня (Фиона)

«Очнись!», — слышу я мощный приказ у себя в голове. Мороз по коже от этого голоса. Словно шепот призраков, смешанный с ветром и шумом воды. Но спасибо. Пожалуй, мне достаточно, чтобы открыть глаза и резко подняться.

Очень вовремя, потому что меня атакует огненным шаром Кайра Кеннеди. До вчерашнего дня — моя знакомая по Академии Одаренных. Подруга Сайласа.

Я откатываюсь, толком ничего не соображая. Быстро поднимаюсь на ноги. Пытаюсь защититься всем, что попадает мне под руку, пока она что-то вещает про Инквизицию. Даже нахожу бабушкин порошок слабости и опыляю им Кайру.

Она кашляет, отвлекшись от меня.

Я пользуюсь моментом и выбегаю в коридор.

Ужас охватывает меня, парализуя на месте.

Эйсмунд едва стоит на ногах. Его лицо окровавлено и чем-то обожжено до самой кости на его нижней челюсти. У его ног без сознания лежит женщина с разорванным горлом, на котором я отчетливо вижу следы зубов и клыков.

Приступ тошноты подкатывает к горлу. Голодный желудок бунтует. Отвожу взгляд от этой картины, но тут же вижу перед собой лежащего в собственной крови и хрипящего Вэла, оборотня-кабана, и мертвого Шейна. Всех их связывала дружба с Сайласом. И меня они знали достаточно хорошо.

Может, они пришли защитить меня, а вампир всех убил? И теперь Кайра думает, что я причастна к их гибели?

Снова смотрю на Эйсмунда. Он тяжело дышит. Его красные глаза горят огнем. Но выглядит он очень плохо и едва ли выживет — у него обожжены и грудь, и руки. Да, вампиры восстанавливаются со временем, но в этом случае ему не хватит жизненных сил.

Не могу совладать с собой. Мне дико страшно из-за совершенных убийств этим монстром. Но от его ран и боли я испытываю муки на физическом уровне. Делаю шаг вперед, вопреки всякому разуму и страху, чтобы помочь Эйсмунду.

Что-то опалает мои ноги. Кайра! Я забыла о ней!

От острой и нестерпимой боли я падаю на пол, окунувшись лицом в чью-то кровь.

Я кричу, не в силах терпеть. Меня накрывает безумие. Хочется спрятаться от огня, провалиться, а пламя поднимается выше по бедрам, расползается по спине.

— Прости, — шевелю одними губами и в последний раз смотрю на Эйсмунда, трехсотлетнего вампира, который еще мог долго прожить, если бы не столкнулся с проклятой недоведьмой из рода Кэвендиш.

«Не сегодня», — как будто слышу его мысли.

Жар огня прерывается.

— Вот дерьмо, — ругается за моей спиной Кайра.

Я сворачиваюсь в позу эмбриона, подтягивая колени к груди. Мелкая дрожь от боли сотрясает меня.

Я слышу дикое и агрессивное звериное рычание. Еще минуту назад здесь был Эйсмунд, но вместо него сейчас стоит огромный волк и с острым оскалом готовится к прыжку.

Может, он перегрызет мне горло и боль, наконец, утихнет?

Я никогда в жизни не сталкивалась ни с чем подобным. Все это похоже на страшный кошмарный сон, начиная с гибели Сайласа.

Но волк с глазами, похожими на рубины, перепрыгивает через меня и, похоже, набрасывается на Кайру.

Воздух вокруг наполняется запахом жженой шерсти, но волку, кажется, плевать на огонь.

Крики Кайры смешиваются со звериным рычанием. Отвлекаюсь от собственной боли. Серые лучи рассвета пробиваются в окно, создавая причудливые тени вокруг противников. Волку, наконец, удается повалить Кайру в центр круга, который я не успела убрать после колдовства.

Маг пытается сопротивляться и напоследок бросает в волка огненный шар. Но тот, превозмогая пламя на собственной шкуре и морде, смыкает мощные челюсти на шее Кайры.

Зубы прогрызают артерию и алая кровь фонтаном окрашивает морду зверя, делая его глаза еще более устрашающими.

Все. Кайра навсегда обезврежена.

Теперь моя очередь.

Волк подходит ко мне, царапая когтями деревянный пол. Он огромный. У Кайры не было ни единого шанса против него. Я себя ощущаю маленькой и хрупкой рядом с ним.

Он опускает морду и нюхает мои ноги.

— Убей меня быстро, пожалуйста, — прошу его.

Но волк решает иначе.

Окончательно повергнув меня в шок, он... лижет мои ступни.

— Что т-ты д-делаешь? — сквозь дрожь спрашиваю у зверя.

Глупо как! Будто он мне ответит!

Удивительно, но мокрый и шершавый язык снимает мою боль, заживляя ожоги слюной. Разве такое возможно? Или это какая-то особенная способность у оборотней? Я столько времени живу среди Одаренных и совсем ничего не знаю о них.

— Эйсу это не понравится, малыш, — криво усмехаюсь.

Я в патовой ситуации. Рядом со мной четыре трупа, купающихся в собственной крови. И волк-оборотень, зализывающий мои раны.

Дернувшись уже не от боли, а от щекотки, я встаю и касаюсь ступнями пола.

Больно, но не сильно.

Волк обнюхивает меня, поскуливая. Я обхватываю его за шею и с трудом поднимаюсь на ноги.

— Так. Вроде терпимо, — убеждаю себя и осторожно глажу волка по забрызганной кровью голове.

Он поворачивается в сторону выхода.

— Ты прав, нам нельзя здесь оставаться.

Как только Монтгомери узнают, что убили Одаренных, живо отправят за нами команду посильнее и многочисленнее.

Что там кричала Кайра? Они из Инквизиции? Столько лет была знакома с ними и даже не подозревала об этом. Может, они следили за мной, чтобы я не пошла по темной дорожке рода Кэвендиш?

Кажется, я зашла куда дальше, чем мои предки. И Инквизиция направит на мои поиски все свои силы.